

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

Причины различных взглядов на Петра Великого в русской науке и русском обществе *

Двести лет прошло после рождения Петра Великого, почти полтора столетия после его смерти, имя его во всех устах, памятники ему стоят по городам русским, а между тем и наука, и общество до сих пор останавливаются в недоумении перед колоссальным образом Петра, перед исполинским подвигом, им совершенным. До сих пор, как и во время его деятельности, деятельность эта обсуждается с разных сторон: раздаются панегирики, иногда самые безотчетные, порицания, нередко самые неосновательные. Конечно, никто уже не повторит теперь слова Сумарокова: «Российский Вифлеем — Коломенско село», как никто серьезно не поверит в то, что Петр пропал во время поездки в «стекольное государство», а образ его принял на себя жидовин из колена Данова; но в коренном различии древней и новой России твердо убеждены еще многие: именно с этой точки зрения слышатся и самые сильные похвалы, и самые веские осуждения. «Петр уничтожил особенности старой русской жизни и сделал очень хорошо: он приблизил нас к идеалу общечеловеческой цивилизации, состоящей в отрицании всего народного, всего частного», — говорят одни. «Петр уничтожил особенности древней Руси и тем лишил нас народности; оставил общеевропейцами посреди французов, немцев, англичан, сохранивших и сохраняющих до сих пор свою народную физиономию, не похожих и не желающих походить друг на друга», — говорят другие. Известно, что первое мнение, идущее еще от Ломоносова, с резкостью высказываемое в сороковых годах, когда даже не раз выражалась мысль, что Россию следует назвать Петровиею, имеет за

* Читано в торжественном собрании С.-Петербургского университета 31 мая 1872 года.

себя весьма значительную часть нашего литературного мира; за второе мнение мы имеем великий авторитет Карамзина. Оба эти мнения сходятся по вечному закону всех крайностей в одном — в точке исхода: оба отправляются от веры в безграничную силу личной воли, могущей беспрепятственно создать то или другое положение вещей. Резкости обоих направлений начинают, однако, уже сглаживаться в примирительном историческом взгляде, которым мы обязаны преимущественно С. М. Соловьеву, начавшему внимательно изучать XVII в. В результате такого изучения оказалось, как, несомненно, должно было оказаться, что деятельность Петра была наиболее энергическим выражением того, что составляло цель и заветные стремления его предшественников, что гениальность Петра сказывается главным образом в умении находить средства, нужные для его цели, и идти неуклонно к этой цели, и в особенности — в окончательном уяснении, в чем состоит эта цель. Словом, что представлялось смутно и неясно людям XVII в., то ясно и определенно явилось Петру Великому, но никакого перерыва, никакой пропасти между временем Алексея Михайловича и его гениального сына не оказывается, да в действительности и не было. Таков вывод, до которого дошла современная наука, но не таково наиболее распространенное мнение; отчего же происходит эта разница, где источник разноречий?

Всякое великое историческое дело, облакая плотью и кровью то, что неясно носилось в умах, создает нечто новое, как потому, что действительно привносится новый элемент, так и потому, что старое получает новый вид, становится чем-то иным. Это новое вносит, по евангельскому слову, меч, оно разделяет все общество. Таков неотразимый закон поступательного движения: получившее образ стремление требует себе места в практической жизни, прилаживает к себе условия этой жизни, а потом и само прилаживается к этим условиям. Пока идет этот процесс претворения, пока люди не свыклись с новым, оно им кажется диким и странным, оно не согласуется с их обычными представлениями, будит их и беспокоит; и люди всего медленнее и неохотнее свыкаются с тем, что будит их и тревожит, что затрагивает их привычки и материальные интересы. К тому же новое начало создает новые отношения, новые обязанности, жизнь усложняется, становится мудренее. Это опять закон исторического развития, закон неизбежный, но тем не менее тяжелый. Дело Петра именно так и подействовало на русское общество. Правительство Московского государства понимало, что у него не достает правильного войска, без которого плохо приходилось ему в борьбе с соседями.

ми, даже такими, как Польша и Крым, что у него недоставало промышленности, что внешняя его торговля вся в руках иностранцев-монополистов, что у него нет ни медиков, ни инженеров, нет даже образованных пастырей церкви, понимало также, что мало может оно положиться на своих чиновников. Все это понимало оно и принимало меры, но меры частные, нерешительные: то выпишет иностранцев и поселит их в немецкой слободе, то пробует заводить фабрики, то введет в часть войска новый строй, оставя другую при старом, то даже пошлет молодых людей учиться за границу, но они оттуда не воротятся; с ними повторится то же, что было с Котошихиным, не нашедшим в России ничего, кроме предметов для осмеяния, что было с Хворостинным, который говорил, что в «Москве жить скучно, в Москве люди глупы». Правительство московское то немцев оденет в русское платье, то русских заставит ходить по-польски, и все это без системы, без настойчивости: сегодня за табак режут носы, завтра его позволят, а послезавтра опять запретят. Общество тоже смутно сознавало, что ему многого не достает: жаловалось на страсть к посулам приказных людей, на монополию иностранцев; были и такие, которые подумывали о просвещении; в «школах» заиконспасских¹ находились ученики, в домах появились гувернеры-поляки; еще в начале XVII века рассказывают об одном Головине, ходившем по вечерам, тайком, учиться по-латыни; и в царские хоромы, и в боярские стали заходить не только фряжского дела вещи, но и фряжские куншты (европейские картины), стали заходить и кое-какие книжки в переводе с польского и латинского, появились и театральные представления, появились «Куранты»², первые наши ведомости; «цифирь» и «землемерия» не были таким странным делом для наших предков, как это иногда представляют. Послы наши за границей не только вникали во взаимные отношения европейских государей, на что они были, надо признаться, первостатейными мастерами, — чем более мы узнаем старых наших дипломатов, тем более имеем право гордиться ими, — но и вглядывались в чуждые для них нравы и обычаи. Все это было — повторяем — случайно, частно, служило знамением потребности в новом, но к новому не приводило. Кн. М. М. Щербатов делает любопытный расчет, из которого выходит, что если бы не было Петра, естественным порядком, не предполагая никаких колебаний, Россия только в 1879 г. была бы в таком положении, в каком была в 70-х годах прошлого столетия. Как ни приблизителен его расчет, но в сущности он едва ли много отклоняется от правды. Мы шли бы медленно, постепенно; пословица: «Семь раз отмерь,

один раз отрежь» — лучший девиз Московского государства, и подле нас усиливалась бы Швеция, которой предел положен был только на полях Полтавы, и выросло бы другое государство, которому, если бы не было Петра, вероятно, досталась бы на долю вся Польша, без раздела. Что бы было тогда? Но Петр явился, и явился — великое историческое счастье — именно в ту минуту, когда все было готово и когда появление его было наиболее нужно. Воспитался он не в Кремлевских палатах, не посреди царского этикета чинного XVII века, а на вольном воздухе своего Преображенского, в соседстве Немецкой слободы; рано стал царем, но царь он был опальный: льстецам было нечего делать в Преображенском, их место было в Кремле, там они и вертелись; в Преображенское же шли недовольные и указывали на недостатки существующего. О воспитании Петра не заботились и потому не дали ему в учителя многоученого Симеона Полоцкого³, который познакомил бы его с тонкостями богословия, научил бы немного по-латыни и по-польски, как выучил его братьев, и дубовыми стихами воспевал бы его добродетели в панегириках; дали же ему учителем добродушного и неглупого дьяка, который, показывая картинки, пробудил в нем любознательность — все, что он мог сделать; остальное сделала гениальная русская натура, которая сумела всех обратить себе в учителей и которой одного намека было достаточно для того, чтобы идти вперед и самой все узнавать. Такое самообразование положило печать на всю жизнь. С детства привыкший отыскивать источник для удовлетворения своей любознательности, Петр сохранил эту привычку на всю жизнь и всю жизнь учился. С этою привычкой поехал он за границу: там — источники знания, но добиться до них надо самому, и он привык сам до всего доходить, сам все узнавать, и результаты его самообразования были изумительны: он и корабли строил, и артиллерию изучил, и зубы дергал, и во всем он сам мог экзаменовать, и все он сам мог показать. Такая обстановка детства развила в нем врожденную способность узнавать людей помимо внешних отличий, находить каждому занятие, соответствующее его способностям: оттого в редкую историческую эпоху мы встречаемся с таким количеством способных людей, употребленных именно на свое дело. Но воздавая каждому должное, Петр с каждого требовал работы непрерывной: он по своему опыту знал, что может сделать человек, и требовал, чтобы каждый сделал все, что мог сделать. Подобное требование было тяжело для общества, привыкшего быть в «нетях» и укрываться при вызове на службу всевозможными способами. Петр же требовал от людей своего времени другой службы, чем требовалось

прежде: прежде требовали только явления на службу, когда служба была нужна при «ратных вестях», по очереди в Москву, что не было службою трудною, а воеводство считалось даже льготою: оно было средством покормиться. Петр же вел войну 21 год; ему люди были нужны постоянно, и старое начало пожизненной службы он обратил в действительность: служба стала тяжелее, раздался ропот. К тому же он потребовал и службы не дворянской: надо было ехать к бусурманам, учиться строить корабли. Тяжело это было московским баричам, и в «нетях» сказаться было нельзя — отыщут и строго накажут. Не все понимали, что это совершалось во имя высокого начала — государственного блага: «А о Петре ведайте, — говорил он под Полтавою, — что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ее»; «Если случится (что я впаду в турецкий плен), — пишет Петр Сенату из-под Прута, — то вы не должны почитать меня своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелению от вас было требуемо, покаместь я сам не явлюсь между вами в лице моем». Такие чувства и мысли были немногим доступны и даже понятны в ту эпоху, когда еще свежи были предания вотчинные, когда разница между государевым и государственным была еще очень не ясна: ясно, отчетливо эту разницу первый поставил Петр, посвятив всю жизнь свою на службу государству, такой же службы он требовал и от других: много он прощал «дите своего сердца» Данилычу и прощал за то, что тот понимал его намерения и умел исполнять их; но к тем, кто уклонялся от службы, кто был нерадив или своекорыстен, Петр был неумолим. Несчастный царевич Алексей пал жертвою своей неспособности понять законность требований отца, своей созерцательной природы, которой противна была безустанная деятельность. Трагическая коллизия отца с сыном только с этой точки зрения и может быть объяснена. С этой же точки объясняются и меры Петра против монахов и вообще его отношения к духовенству: в нем не видал себе подпоры, а видел сторонников Алексея, которые «не в авантаже обретаются» и стремятся обрестить в авантаже. Другой причины его отношений к духовенству нельзя подыскать. Становиться на точку зрения XIX в. Петр не мог; требовать от него, чтоб он стоял на точке зрения своего отца, благоговевшего перед юродивыми, или сына, подыскивавшего в Бароние места о преимуществе духовной власти над светскою, мы не имеем права. Забота о могуществе государства, о его политическом значении была первою заботою Петра, все остальное было средством к достижению этой высшей цели: государ-

ству нужны техники, и создаются заведения, способные образовывать этих техников, моряков, артиллеристов, инженеров, медиков; без собственной промышленности и торговли невозможно благосостояние государства, процветание его финансов: для этой цели дается самоуправление городскому сословию, льготы желающим заводить фабрики и заводы, русским купцам, торгующим за границу, и т. д.; водворяется та или другая форма промышленности, предписываются правила для того, как выделять юфть, и т. п., назначаются строгие наказания за несоблюдение этих правил; государство принимает в свое полное ведение промышленность, что соответствует господствовавшей тогда в Европе теории, представителем которой был знаменитый Кольбер⁴. Меры Петра находили сочувствие и в России, например, в Посошкове, предлагавшем меры совершенно того же характера. В заботах своих о промышленности Петр прежде всего имел в виду, чтобы выгоды доставались русским людям, чтобы они выучивались разным производствам, а иностранцев он призывал только как учителей. Та же мысль видна и в учреждении Академии наук, которая заключала в себе, кроме ученого общества, и университет, и даже гимназию, имевшие целью готовить ученых из русских. Говорят, что Петр предсказывал то время, когда центр просвещения, некогда перешедший из Греции и Рима в Западную Европу, перейдет к нам. Он непременно должен был верить в то, что его земле назначена высокая участь и что его дела — только заря этой блестящей будущности: лишь крепкая вера творит великие дела!

Дело Петра, требовавшее такого напряжения сил, должно было непременно возбудить многих против себя, и мы действительно знаем, что многих и возбудило. Когда же он умер, когда многое пошло не по его предначертаниям, когда иностранцы получили незаконное преобладание, когда русские люди преимущественно высших сословий, увлекаясь всем иностранным, начали предпочитать немецкое русскому и в Париже видеть рай земной, когда, наконец, с конца XVIII века кроме роскоши и моды последовал к нам наплыв иностранных гувернеров и все общество окончательно заговорило по-французски, тогда поднялись мало-помалу голоса против преобразований Петра и выступила, разумеется, идеализация старого быта. В учении славянофилов (в его первобытном виде) эта идеализация получила окончательную форму. Есть в их возражениях стороны справедливые, но они по большей части касаются последствий деятельности Петра, от него не зависевших и им не предвиденных: мало ли сколько посторонних элементов примешалось к великому

подвигу Петра уже тогда, когда дело его досталось продолжать другим, часто далеко уступавшим ему людям? Частью же эти возражения касаются приемов Петра и его средств. Его средства и приемы заимствованы им из прошедшего Московского государства или даже из примеров тогдашней Европы, переживавшей эпоху Людовика XIV. Порицатели Петра не правы, стало быть, в том, что они неясно различают все эти многообразные элементы в его деле и не останавливаются на вопросе о том, что принадлежит ему самому, что его времени, и что, наконец, его преемникам. Появление безусловных хвалителей Петра столько же понятно, как и появление порицателей: результаты подвига Петра были слишком блистательны, сияние европейской цивилизации, открывшейся для России реформами Петра, слишком ослепительно, и потому не мудрено, что преимущественно те из людей ближайших к Петру поколений, которые пошли дорогою науки, как великий Ломоносов, наиболее увлеклись его делом: для них только с Петра открылся новый мир; к ним присоединились те, которые рабски подчинились Европе; таких много было в последующих поколениях. Эти последние даже отчаялись в России и все хорошее видели в Европе, оставляя нам роль вечных учеников, которым не суждено быть мастерами, незавидную роль Тредьяковского⁵. Пока европеизм в смысле западничества, то есть поклонение всякому «последнему слову», господствовал у нас, и это мнение было господствующим; теперь мы, однако, начинаем выходить на другую дорогу, и, быть может, исполнится заветная мысль Петра — видеть нас и в области науки равноправными членами с другими великими народами мира, и, быть может, в будущем законодателями, полководцами и поэты представят Русскую землю в великом пантеоне всемирной истории. Тогда подвиги Петра получат свое завершение, и, быть может, только тогда замолкнут разноречивые о них толки, и вся мыслящая Россия в один голос признает важность реформы не в одном лишь политическом отношении, хотя главнейшая ее цель и была, как я уже сказал, внешнее могущество России. Время это, будем надеяться, близко, заря уже стоит на нашем горизонте. Тогдаждем мы и полной истории Петра, которую мы все еще в долгу перед его великой памятью.

